

— Г. А. Калиняк —

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

И С Т О Р И Я   Р А Б О Ч Е Г О

Георгий Калинин

**Герой советского времени:
история рабочего**

«Алетейя»

2015

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Калиняк Г. А.

Герой советского времени: история рабочего / Г. А. Калиняк —
«Алетейя», 2015

«История» Г. А. Калиняка – настоящая энциклопедия жизни простого советского человека. Записки рабочего ленинградского завода «Электросила» охватывают почти все время существования СССР: от Гражданской войны до горбачевской перестройки. Судьба Георгия Александровича Калиняка сложилась очень непросто: с юности она бросала его из конца в конец взбаламученной революцией державы; он голодал, бродяжничал, работал на нэпмана, пока, наконец, не занял достойное место в рядах рабочего класса завода, которому оставался верен всю жизнь. В рядах сначала 3-й дивизии народного ополчения, а затем 63-й гвардейской стрелковой дивизии он прошел войну почти с самого первого и до последнего ее дня: пережил блокаду, сражался на Невском пятачке, был четырежды ранен. Мемуары Г. А. Калиняка – честный рассказ о людях, составлявших плоть и кровь страны Советов, бывших участниками радостных и трагических событий ее истории, трудами и подвигами закладывавших основу жизни и благосостояния нынешнего и грядущих поколений граждан нашей страны. Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Калиняк Г. А., 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

Предисловие	5
Герой советского времени: история рабочего	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Георгий Александрович Калиняк

Герой советского времени: история рабочего

Предисловие

1

Мы предлагаем вниманию читателей записки Георгия Александровича Калиняка. Без преувеличения можно сказать, что автобиографическая проза Г. А. Калиняка – явление уникальное в отечественной мемуаристике. Уникальность ее заключается прежде всего в том, что она от первой до последней буквы принадлежит перу простого советского человека, который сам о себе сказал так: «Я стал просто рабочим, потом солдатом и снова рабочим».

Немногие авторы, писавшие историю России XX в., могут похвастаться такой простой и одновременно такой замечательной биографией. Воспоминания Г. А. Калиняка охватывают практически всю историю СССР; в этом смысле его биография – это биография советской страны, самым что ни на есть искренне преданным гражданином которой был Георгий Александрович.

Сейчас, когда советский период нашей истории все более и более уходит в прошлое, очень важно не потерять свидетельств людей, которые творили и воспевали эту историю. В том числе и самых простых, нечиновных граждан, на плечах которых тем не менее покоились слава, величие и мощь сверхдержавы, которые, «не щадя своей крови и самой жизни» (слова из советской военной присяги), обеспечивали ее победы на фронте и достижения в мирном строительстве.

Постижение психологии советского человека очень важно для осознания феномена грандиозных успехов советской власти, высвободившей и направлявшей энергию десятков миллионов людей, подобных Г. А. Калиняку. Можно сказать, что самым главным результатом революции 1917 года было то, что в сопровождавших ее и последовавших за ней суровых лишениях закалились и ограничились те сильные и цельные русские характеры, которые впоследствии удивили мир своим несгибаемым мужеством и стойкостью, упорством и целеустремленностью.

«Да, были люди в наше время», – невольно хочется воскликнуть, читая мемуары Г. А. Калиняка. Не может не вызывать изумления, что человек, рано перенесший утраты близких, в детстве и юности нередко голодавший, фактически бродяжничавший, видевший кровь и смерть на фронте и предательство в тылу, человек с очень непросто складывавшейся личной жизнью, добывавший хлеб воистину «в поте лица своего», сохранял способность так тонко чувствовать, поэтично переживать и преданно любить. И вместе с тем, в этом человеке в равной степени уживались испепеляющая ненависть и к явным врагам своей Родины, и злоба и презрение к тем, кто хотя бы на йоту не разделял привычного для него образа мыслей и жизни, кто хоть немного отступал от проложенной партией и принятой им «генеральной линии», полной сурового спартанского самоограничения.

Могущая ужаснуть сегодня нетерпимость советского человека, которая недоброжелателями трактовалась в сторону ограниченности и ущербности «совка», на деле была естественным следствием полной борьбы и лишений его жизни, которая не оставляла места и времени на рефлекссию, отдаваясь в сознании только слабыми отзвуками потревоженного нравственного чувства. Да и могло ли быть иначе, если стране за десятилетие надо было «пробежать» (как

говорил ее вождь и учитель) те 50 лет развития, которые отделяли ее от «цивилизованного человечества» (как принято выражаться теперь).

Но эта свирепая, не останавливающаяся ни перед чем гонка вызывала и законное опасение и даже испуг у этого самого человечества, столкнувшегося с необъяснимым ростом могущества Советской страны советов. А страх и взаимное недоверие – плохие советчики. Вот и принималось человечество отгораживаться от подозрительного «совка» всевозможными линиями, кордонами, пактами, блоками, а то и не брезгуя подтолкнуть в его сторону не менее беспокойного соседа. Все это, как известно, ничего, кроме ответной ненависти и подозрительности, у советского человека не вызывало.

Но не эти чувства склоняли на сторону социализма сердца миллионов простых людей на всех континентах, и даже соблазнили немало европейских интеллектуалов. Исключительная честность, отзывчивость, доходившая до забвения собственных интересов, бессеребренность, принципиально-идейная духовность, непоколебимая верность своим – вот те черты настоящего «совка», которые мы без труда можем разглядеть в портрете Г. А. Калиняка, что придавали человеческое лицо (и лицо, надо сказать, весьма симпатичное) стране победившего социализма.

Собственно говоря, советский строй и держался на этих атлантах, и по мере ухода их в силу объективных причин из деятельной общественно-политической жизни, мельчало и неумолимо деградировало советское государственное устройство. Сам Г. А. Калиняк с тревогой отмечал характерные признаки этого процесса, как водится, объясняя негативные явления коварными происками западных спецслужб, нацеленными на советскую молодежь – «как самую нестойкую и податливую часть населения». Отчего же это, однако, советская молодежь к 70-м годам XX века вдруг утратила железную монолитность прежде крепко спаянного страхом (перед всевозможными врагами) и лишениями (в ожидании светлого будущего) советского общества?

Вспоминаю застольный спор, внезапно разгоревшийся примерно в это время, между моим дедом, в 1941 году ушедшим на фронт добровольцем, прошедшим через почти четырехлетний ужас немецкого плена, и отцом – молодым коммунистом. «Твои коммуняки слетят, – безапелляционно заявил дед. – Народа они не понимают». Отец, конечно, так и взвился. Но дед непоколебимо стоял на своем. И слова его запомнились мне, тогда еще совсем шкету. Добавлю, что и отец и дед были потомственными рабочими, токарями высочайшей квалификации, настоящими представителями рабочей гвардии тогдашнего класса-«гегемона», неоднократно награжденными высокими правительственными наградами «за успехи в социалистическом строительстве». И вот такое разное восприятие жизни.

А уже в конце 80-х и отец покинул ряды КПСС. Правда, дед торжества своей точки зрения не увидел; в 1985 году он умер в госпитале для ветеранов войны.

Коммунисты не понимали народ в главном: невозможно требовать от всего населения того, что только отдельные личности способны добровольно приносить в качестве величайшей жертвы – права на обычную жизнь и простое человеческое счастье. Никакие политические ставки не покроют отсутствия нормальных условий жизни маленького человека. Пружину его терпения, конечно, можно с большим или меньшим успехом заводить действием трескучей пропагандистской фразы или страхом репрессий, но результат накопленного противодействия рано или поздно скажется в стремительном раскручивании всевозможных гаек государственного механизма подавления личности.

А понять маленького человека власть не может, потому что не слышит; поскольку этот человек оказывается просто-напросто лишенным права голоса. Если голос его совпадает с общим хором – то и слушать его неинтересно, а если уж чуть фальшивит – то спасти человека может только чудо, как чудом спасся в развернувшихся после убийства Кирова репрессиях Г. А. Калиняк, «дело» которого к счастью для него кануло в архив. А люди вокруг него, заметим,

пропадали. И пропадали, как многократно отмечается в мемуарах, от рук своих же «товарищей».

В таких условиях Великая Отечественная война стала великой очистительной жертвой народа, как ни парадоксально, продлившей существование советского строя еще почти на полвека. Велась она народом, конечно, совсем не под знаменем советских ценностей. Об этих ценностях на страницах воспоминаний о войне коммуниста Калиняка мы не найдем ни строчки. Стиль его «окопных» сюжетов совершенно ремарковский: все внимание уделяется друзьям-товарищам, мелким деталям фронтового быта и редкому по своей обнаженной искренности описанию страшных боев «местного значения».

Фронтное товарищество, святой долг перед жертвами войны стали после ее окончания беспрюгрышной картой, разыгрываемой властью в целях консолидации значительно повзрослевшего, во многом прозревшего советского народа. В рвущем жилы послевоенном труде, как и в бою, бывших фронтовиков объединяли и поддерживали тоже не советские лозунги, а плечо друга, память о совместно пережитом лихолетье. Пережили и это.

Но вот после... После Г. А. Калиняк с удивлением обнаружил, что жизнь его, полная лишений, щедрая на пролитые кровь, пот и слезы, оказалась удивительно бедна любовью, которая все как-то проходила мимо, отесняемая на второй план постоянными трудами и общественными обязанностями. А любовь такого отношения к себе, как известно, не прощает. И снова безропотно взялся неутомимый Георгий Александрович за дело – теперь уже не в дымном цеху, а на приусадебном участке, целину которого он «поднимал», как в молодости, с упорством Павки Корчагина.

И только после инфаркта, когда старый рабочий окончательно «стал не нужен цеху», вышибленный на пенсию, он вновь, теперь уже в мыслях и мечтах бессильного и мало кому интересного (это читается между строк) пенсионера встретился с самой главной любовью, которую рано или поздно ощущает человек с чистым сердцем – с любовью к Жизни. И страницы его воспоминаний, посвященные этой встрече, дышат почти религиозным смирением и являются, наверно, самыми трогательными и волнующими во всем его повествовании.

По ним можно точно судить, что Георгий Александрович достиг в своей жизни главного – вырастил в себе Человека. И это было самое ценное, с чем он смог бестрепетно предстать перед лицом приближавшейся вечности.

Изучать советского человека, читая мемуары Г. А. Калиняка, необходимо и нам, обществу, и людям власти. Для нас это важно в плане самопознания, чтобы не успокаивать себя постановкой памятников пророкам, которых избил отцы наши, но отдавать себе отчет, что мы их наследники и носим в себе очень многое из того, о чем писал Георгий Калиняк. Государственным мужам читать эту книгу нужно, чтобы не обольщаться мнимым безмолвием народа, не обманываться кажущейся эффективностью пропагандистской промывки мозгов, но помнить, что каждый, даже самый маленький человек, быть может, таит в себе семена истинного величия мысли и духа, подобные тем, что были щедро посеяны в душе Георгия Александровича Калиняка. Его воспоминания – лучшее свидетельство того, что власть должна *уважать* народ.

2

«История моей жизни» Г. А. Калиняка написана необыкновенно занимательно. Можно сказать, что это настоящая энциклопедия советской жизни. Вот почему его воспоминания мы выпускаем под названием «Герой советского времени», – подобно тому как известный роман М. Ю. Лермонтова выразил состояние общественной жизни и духа николаевской империи, скромные мемуары Г. А. Калиняка, по нашему мнению, могут смело претендовать на то же самое в отношении империи советской.

В 20-е гг. XX в. ветры Революции – это слово Георгий Александрович всегда писал с заглавной буквы – носили его из конца в конец взбаламученного моря российской глубинки: от Белоруссии до Сибири и обратно. Он жил жизнью больших и маленьких сел, уездных, губернских и столичных городов; изучал страну, путешествуя по железным дорогам, когда дороги эти предоставляли еще минимум удобств для вольного пассажира.

Он жил в условиях голода и разрухи, выжить в которых, наверно, мог только русский человек, причастный «музыке Революции». Он, как и многие после окончания Гражданской войны, бродяжничал, искал любую работу, по поводу чего даже безуспешно стремился попасть на прием к «всесоюзному старосте» М. И. Калинину, проделав немалое путешествие из Ленинграда в Москву без гроша в кармане; скрепя честное пролетарское сердце работал на нэпмана, пока, наконец, не занял почетное место в рядах рабочего класса завода «Электросила», которому оставался верен всю свою жизнь.

Выражение «заводская семья» в 30-е годы было не пустым звуком. Как в любой семье, жизнь младших подчинялась строго установленным старшими товарищами правилам, сохранившим отголоски дореволюционных, почти цеховых порядков, преступать которые не мог без ущерба для себя ни один новичок. Воспитанных в таком духе молодых рабочих привязывали к родному заводу, его трудовому коллективу сильные узы, вполне сродни семейным. И ради этой семьи люди были готовы идти на тяжелые жертвы. Воспоминания Г. А. Калиняка о командировке на заготовку леса весьма напоминают аналогичные страницы романа Н. Островского «Как закалялась сталь».

Но жизнь советского рабочего складывалась не только из трудовых будней. Сегодня вызывает удивление, что рабочие «от станка» могли быть и театрами, и книголюбями, и любителями искусства, гордо перечислявшими имена великих артистов, творивших *для них*. Такое высокое самосознание рабочего человека было прямым следствием не успевшего еще забыться в СССР принципа *диктатуры пролетариата*, на котором строилось советское государство. Провозглашенная гегемония рабочего класса в общественной жизни ко многому представителей этого класса обязывала. Способствовало воспитанию чувства рабочей гордости и само индустриальное общество, которое усиленными темпами строилось в СССР, с характерной для него реальной осязаемостью, зримой «вещностью» результатов труда.

Рабочее братство сильно поколебали годы репрессий, воследовавших за убийством в 1934 году С. М. Кирова. Откликаясь на эти события, мемуары Г. А. Калиняка наполняются гневным обличением Сталина, которого, тем не менее, автор судит на редкость умно и непредвзято, с учетом будущих заслуг, во многом обеспечивших победу в Великой Отечественной войне. В такой трактовке, конечно, кроется секрет популярности имени Сталина до сего дня. Победы, как известно, покрывают очень и очень многое. И вопрос о цене победы неизбежно отходит на второй план, доставаясь на обсуждение *больному, слабому потомству*.

Тема войны, занимающая центральное место в истории России XX в., сохраняет его и в истории жизни Г. А. Калиняка. С проходной завода «Электросила» он в 1941 году ушел на войну, и туда же через четыре года в рядах 63-й гвардейской стрелковой дивизии вернулся награжденный двумя медалями «За отвагу» и медалью «За оборону Ленинграда» старший сержант Калиняк.

Сегодня, когда напечатано множество мемуаров, передающих события войны без ретуши официоза, трудно, кажется, ожидать чего-либо нового от фронтовой «кочки зрения» простого солдата. Тем не менее, воспоминания Г. А. Калиняка содержат интереснейшие подробности формирования дивизий народного ополчения, их участия в боях по защите Ленинграда, простые и страшные факты, говорящие об условиях жизни солдат и населения блокадного города.

Ему повезло, как он сам об этом многократно пишет. Вообще, в воспоминаниях Г. А. Калиняка мы не найдем описаний выдающихся подвигов. Его война – это прежде всего невысказанный, превосходящий человеческие силы труд, «просто трудная работа», как писал М. Куль-

чицкий: тонны перелопаченной в обороне земли, сотни отмеренных натруженными ногами в наступлении километров.

И все же перед нами обыкновенный герой. Раненый менее чем через неделю после начала боев, он, однако, не эвакуировался в тыл, а остался долечиваться в осажденном Ленинграде. Как он сам бесхитростно поясняет, «из чувства привязанности к родному гнезду». Но было и другое, более глубокое и сильное чувство, и это было ощущение дезертирства перед лицом опасности, не позволившее ему уехать их прифронтового города в глубокий безопасный тыл. Вот это, собственно, и называется героизмом и высокоразвитым чувством гражданской ответственности.

Но героизм этого советского человека был очень русским по духу, неброским, как писал Толстой, чуждым всякой позе, всякому фразерству, всякому желанью славы и отличий. Этот героизм питался любовью жертвы за други своя; недаром в записках находится место только одному факту награждения медалью «За оборону Ленинграда» – города, которому с юности было отдано сердце Г. А. Калиняка – и совсем не упоминается о награждениях самой почетной солдатской медалью «За отвагу».

То, что каждый день в блокадном Ленинграде был подвигом, давно стало расхожей фразой. Но даже в череде этих дней бывали такие, которые иначе как концом света не назовешь. На долю отдельно взятого солдата их обычно выпадало не так много, потому как очень немногие переживали даже один из таких дней. Георгию Александровичу довелось участвовать в тяжелейших боях на Невском Пятачке у д. Арбузово в июле-августе 1943 года. О масштабе наших потерь дают представление такие его строки: «От полка в две с лишним тысячи человек осталось триста, это если считать солдат и офицеров тыловых подразделений». И там, как он пишет в первом варианте своих записок, он спас жизнь десяти раненым.

Работа «братом милосердия» наводит мысль сержанта Калиняка о нелегком труде девушек-сандружинниц, которым уделено немало строк, проникнутых тронутым горечью утрат лиризмом. Вообще, тема женщины в его воспоминаниях занимает особое место; из отношения к Женщине виден огромный потенциал нерастраченной любви и нежности, чуждой, если можно так выразиться, всякой вещественности, утоленности чувства и тем более пошлости. Даже краткие упоминания о фронтовых романах окрашены у Георгия Александровича пронзительным чувством эфемерности счастья, когда «любовь, война и смерть» очень недолго ходили рука об руку.

Значительно чаще в мемуарах встречается тема солдатской дружбы. Они были очень разными – эти люди, которых судьба сводила в одной землянке, в одном окопе, в одной стрелковой цепи. Но у них было и нечто общее – стремление выжить и победить, вернуться к привычной мирной жизни, дорога к которой, как пелось в известной песне, легла через войну.

Первое десятилетие послевоенной жизни, когда порой приходилось тяжелей, чем на фронте, сменила в кои-то веки более сытая и спокойная жизнь. У нашего автора, особенно с выходом на пенсию, появилась возможность оглянуться и поразмышлять над прожитым. Поработать над записками, которых было минимум две редакции. Видно, что он в это время (70-80-е гг.) упорно работал над собственным слогом, в чем преуспел настолько, что местами он поднимается до уровня хорошей художественной прозы.

В целом воспоминания Г. А. Калиняка можно охарактеризовать одной фразой: это подлинный гимн *человечности*. Помимо фактологической ценности свидетельства очевидца, его мемуары обладают огромным воспитательным значением для потомков. Несложную мораль, которая читается на каждой их странице можно передать известной фразой Хемингуэя: «Человек один не может ни черта».

Об этом в современном, полном холодного эгоизма мире, насаждающем культ индивидуализма, корысти и расчета мы, к сожалению, очень склонны забывать. Но присмотримся: в трудных жизненных обстоятельства, которыми была полна жизнь нашего героя, как, впро-

чем, и большинства наших соотечественников, всегда находился кто-то, подставлявший свое плечо. Школьный друг, напарник, однополчанин. Недаром столько тепла и любви слышится в словах Георгия Александровича, обращенных к тем, кто был с ним рядом в труде и в бою. Щедрая человечность выступала залогом нравственности, которая до определенной степени компенсировало отсутствие религиозного воспитания в СССР. Теперь, когда религия прочно вошла в нашу жизнь, важно помнить, что простое ее исповедание не приведет автоматически к формированию высоконравственной личности и не решит всех проблем человеческого общежития. Для этого требуется и ежедневное, ежечасное упражнение в человечности. И в этом мы можем учиться и учиться у своих предков. Воистину, человечество живо одною круговою порукой добра.

Говорить об автобиографической прозе Г. А. Калиняка можно долго. Но мы не хотим отнимать у читателя радости открытия и встречи с автором. Взгляд на поистине эпохальные исторические события глазами человека из народа может очень много прибавить к восприятию потомками истинного значения этих событий, следа, который они оставили в народной жизни, а не только на страницах учебников истории. Авторы, соединяющие в себе исключительную честность, тонкую, живую наблюдательность, пытливый ум, незлое остроумие – немалая редкость в мемуарной литературе. Всеми этими качествами был наделен Георгий Александрович Калиняк.

Сергей Эдуардович Зверев профессор кафедры организации и методики образовательного процесса Военно-морской академии кандидат педагогических наук, доцент

Герой советского времени: история рабочего

Георгий Александрович Калиняк (1910-14.09.1989)

Родился в 1910 г. в г. Гродно. В 1927 г. окончил 7 классов средней школы г. Витебска. С 1928 года жил в Ленинграде. В 1928 г. начал работу в артели «Кожметаллоштамп» прессовщиком, затем с 1929 г. по 1970 г. трудился на заводе «Электросила»; прошел путь от ученика до старшего мастера. Был рабкором заводской многотиражки.

28 июня 1941 г. вступил добровольцем в 3-ю дивизию народного ополчения. С 11 июля 1941 г. и до конца войны на фронте. Начал службу рядовым, закончил – в звании гвардии старшего сержанта командиром отделения взвода химической защиты 63-й гвардейской стрелковой дивизии. Был четырежды ранен.

Член ВКП(б)/КПСС с 1930 года.

Награды: орден Отечественной войны I степени (награждение 1985 г.), 2 медали «За отвагу», медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», юбилейный знак «50 лет в КПСС».

Похоронен на Волковском (лютеранском) кладбище.

1

В конце 1980 года Совет ветеранов нашего 188-го гвардейского полка поздравил меня с семидесятилетием, и я с грустным удивлением почувствовал, что прожита почти вся жизнь. Мне захотелось оглянуться, мысленно пройти по прошлому, пока не подведена последняя черта.

А прошлое далеко и близко. Иногда так далеко, что смутно угадываются первые детские шаги, первые впечатления, а в памяти о месте рождения присутствует только запах свежеспеченного хлеба, который остался в русской печи, – так поспешно бежала наша семья от немцев в 1915 году. Шла Первая мировая война.

Мы влились в поток беженцев, который донес нас до городка Мосальск Калужской губернии. В 1914 году волна беженцев прокатилась по стране. Возникшая раз, она еще долгие годы прокатывалась по необъятным просторам России. Сначала бежали от немцев, потом от голода, а затем от фронтов Гражданской войны и снова от голода.

В Мосальске я услышал о Февральской революции 1917 года и там же впервые познал голод. Голод погнал нас в далекую Сибирь. Это был тяжелый, скорбный путь. Он состоял из долгих ожиданий на узловых станциях, где среди здоровых корчились в муках холерные больные. Никто из ожидавших не знал, когда пойдет нужный поезд, как не знали и того, сумеют ли они уехать на попутном эшелоне.

После долгих железнодорожных мытарств, мы, наконец, прибыли в город Мариинск. Это был небольшой деревянный городок, расположенный на великой Сибирской железной дороге, достопримечательностью которого была тюрьма – трехэтажный централ, обнесенный высокой кирпичной оградой, и похожий на тюрьму спиртоводочный завод.

Это была действительно сытая земля. В деревнях стояли пятилетней давности необъятные склады пшеницы, а в городе свободно продавалась белая мука, крупчатка и сеянка, и пшеничный хлеб.

Наша семья поселилась в стареньком домишке, ветхие стены которого промерзли насквозь в суровые сибирские морозы.

Это было время революционного взрыва. Старое цеплялось за порушенное прошлое и не хотело признать свою неизбежную гибель. Тогда модным был романс «Ты сидишь у камина и смотришь с тоской, как печально камин догорает». Я не знаю, кто сочинил этот романс, но бывшие «сливки общества» пели его с надрывом, и это отвечало их новой неустроенной жизни.

2

Летом 1918 года восстали чехи. Их корпус размещался в эшелонах на всех крупных железнодорожных станциях Сибирской магистрали от Казани до Иркутска. Восставших чехов поддерживали местные формирования контрреволюционеров. Во время восстания чехов появились красные – наши и белые – гады. Еще говорили о каких-то большевиках. Это тоже были наши. Так в моей памяти отложилась политическая расстановка сил.

Между красными и белыми (чехами) несколько дней шли бои.

Мы жили в ста метрах от берега реки Кии. Эта тихая, светлая, не особенно широкая река, в весенние дни становилась неузнаваемой. Толстые, зеленоватые льдины со скрежетом громоздились друг на друга, срывались и исчезали в глубине, а на месте их возникали новые

ледяные холмы и скалы. Река, сдавленная скопищем льда, выступала из берегов и на глазах заливала окрестности. Вода почти вплотную подходила к нашему домику, хотя он стоял на высоком берегу в ста метрах от реки. Вот такой мощью наливалась Кия в весенние дни.

Но летом река была спокойной, неторопливой, зато на ее берегах грохотало половодье страстей. С противоположного берега красные строчили из пулеметов. А чехи из орудий бронепоезда швыряли через нас снаряды по берегу, занятому красными. Силы были не равны, и красным пришлось отступить в тайгу.

Вспоминаю, как жарким днем по нашей улице вели небольшую группу пленных красноармейцев, а разная буржуазная сволочь, стоя на деревянных тротуарах, грозила пленным палками и зонтиками.

Кончилась мирная жизнь. В Сибири воцарился Колчак. Началось кровавое лихолетье. Тысячи людей, особенно горняков на угольных шахтах, стали жертвами белого террора.

Мои средние братья работали продавцами газет. Старший брат служил телеграфистом на почте. Он состоял в подпольной организации большевиков. В летнее время, придя поздно с работы домой, брат уходил в конец огорода и прятался в кустах. Огород выходил на берег реки, где была спрятана лодка. В случае налета контрразведки брат надеялся на лодке переправиться на другой берег реки и скрыться в лесу. Так тревожно мы жили в дни колчаковщины.

Осенью потихоньку начали напевать немудреную песенку:

Эх, яблочко,
Куда котишься?
К Колчаку попадешь,
Не воротись.

Обычно в таком духе начинают петь в народе, когда власть начинает угрожающе качаться. Эти частушки выражали истинное отношение населения к правителю Омскому.

Всему приходит конец. В суровую зиму 1919 года началось массовое бегство колчаковской армии. Неделями шла пехота и бесконечные армейские обозы. Колчаковское воинство бросало в городе тифозных больных и истощенных лошадей, а заодно оружие и боеприпасы.

И наконец наступил тот день, когда в городе не осталось ни одного белого солдата. Это было удивительное утро. Город вымер, затаился. Даже мы, ребяташки, не высовывали носа за калитку. Стояла настороженная тишина, которую не могли нарушить бродящие [по улицам] голодные лошади, брошенные беляками.

Несмотря на запрет мамы, я все же немного побродил по соседним улицам. Но мертвая их пустота загнала меня домой.

Ах, мама, мама! Почему ты так рано ушла из жизни. Даже облик твой не сохранила память. Только помню твое желание [привить мне] доброту и человечность, потому что ты учила меня утром и вечером молитвам, из которых в памяти осталась начальная фраза «Отче наш».

И еще вспоминаю твою озабоченность, когда ты смотрела на больного отца, обросшего седой бородой и усами. Тебя мучило, что его подушка примерзла к стене, а ты ни чем не могла ему помочь и облегчить его последние дни.

В полдень тишина взорвалась от бешеного галопа десятка всадников, у которых на шапках пламенели широкие красные ленты. Это мчалась разведка красных к железнодорожному мосту, чтобы предотвратить его подрыв [белыми].

Тогда еще у красноармейцев не было выраженной формы. Донашивали обмундирование Первой мировой войны. Отличительным признаком новой армии было отсутствие погон, красная лента на шапках или красный бант на груди. Только немного позже, в 1919 году, появилась

новая форма: шапка буденовка в виде шлема русских витязей с красной звездой, а на шинели и гимнастерке так называемые «разговоры» – три поперечные красные полосы на груди.

Эту форму придумали еще при царе, только без звезды на шапке. Хотели такой формой подчеркнуть историческую народность армии и ее преемственность от древних княжеских дружин. Было нашито много такой формы, но одеть в нее армию помешала мировая война. Чтобы не пропало добро, Советское правительство узаконило эту форму для Красной Армии. При нашей тогдашней бедности эта форма еще долго служила солдатам.

А потом пошли и поехали бойцы и командиры полка Вострецова, которого я имел возможность встречать позже в Белоруссии. Комдив Вострецов был одним из восьми¹ командиров, награжденных четырьмя орденами Красного Знамени. И первый свой орден он получил в Мариинске.

С приходом Красной Армии народ тепло встречал своих освободителей. Это был радостный день в нашей жизни. В конце этого тревожного и радостного дня пришел домой брат Владимир, исчезнувший из дома за три дня до прихода красных.

Оказалось, они [с группой] подпольщиков, переодевшихся в форму колчаковских солдат, проникли в тюрьму, разоружили охрану, освободили политзаключенных и оставались три дня в тюрьме, ожидая прихода наших войск. Их счастье, что в суматохе отступления про тюрьму беляки забыли. На станции стоял бронепоезд чехов, который из орудий мог разгромить тюрьму.

Отступая, беляки разбросали на путях железнодорожной станции снаряды и всю станцию залили водой. Чтобы пустить поезда, нужно было сначала убрать этот смертоносный студень и разморозить паровозы и вагоны.

Брошенным белыми оружием и боеприпасами мы, мальчишки, были вооружены до зубов. У меня было три винтовки, шашка, несколько сот патронов (часть японские), мешочки с порохом и граната-лимонка. Я даже стянул у ночевавшего у нас офицера револьвер. Не знаю, какой он был системы, но вид его был шикарный. Он сиял от никелировки, и это решило его судьбу в мою пользу.

3

Становление новой жизни шло трудными дорогами. Слишком много было порушено Гражданской войной. Стояли мертвыми угольные шахты. Некоторые из них были забиты [трупами] шахтеров, расстрелянных беляками. Деревня не хотела сеять хлеб. Все равно осенью продрозверстка выметет все из амбаров. Даже уцелевшие предприятия не работали. Не было топлива и сырья. Еле-еле шло движение на железных дорогах. Не было новых хозяйственных кадров. Да и откуда они могли взяться. Слишком мало времени прошло после Октября.

Это было время военного коммунизма, который был необходим во время Гражданской войны, но в мирное время тормозил экономическую жизнь страны. В 1919 году была национализирована промышленность. Предприятиями стали руководить директора-выдвиженцы из передовых рабочих. Главными инженерами при них были специалисты еще старой выучки.

Все члены партии, занимавшие руководящие посты, получали независимо от должности так называемый партмаксимум². Было голодно. Город освещался скудно. Когда работала электростанция, лампочки горели вполнакала.

---

¹ За подвиги в годы Гражданской войны четырьмя орденами Красного Знамени было награждено 4 человека; в их числе С. С. Вострецов.

² Партмаксимум-максимальный месячный оклад, существовавший до 1934 г. для членов партии-руководящих работников учреждений и предприятий.

И все же не было унылой безнадежности. Была уверенность в том, что все наладится и придет в норму. Главное, нет царя и исчезли беляки.

Один из братьев уезжал работать в деревню за сто двадцать километров от Мариинска. С ним поехал и я.

Это была таежная глубинка, где деревни стояли в 30–40 километрах друг от друга. Зырянка, в которую забросила нас судьба, была большим селом с площадью, в центре которой стояла церковь. Это был волостной центр, расположенный на реке Чулке³, притоке Оби.

Тут тоже не было большого изобилия, но было все же сытнее, чем в городе.

Но в Зырянке было тревожней. По тайге бродили банды из разбитых беляков. Они совершали налеты на населенные пункты, где зверски расправлялись с советскими работниками и их семьями. Однажды в Зырянку привезли восемь погибших товарищей, у которых были выколоты глаза, вырезаны звезды на теле. Восемь гробов с погибшими стояли на снегу, и, прощаясь с ними, мы видели это изуверство.

Недобрая молва ходила о банде Лубкова, бродившей в окрестностях. Для ликвидации банд из Томска приходили военные части. Как сейчас вижу матроса в бескозырке. Из-под распахнутого бушлата синюют полоски тельняшки. На боку весит блестящая бомба-бутылка. Какой он был молодой и красивый! Ветры какого моря занесли его в нашу таежную глушь? Но в большинстве приходящих частей были обычные солдаты-пехотинцы.

Летом нам, ребятам, было раздолье. В лесу можно было поозоровать с любопытным бурундуком. На реке – рыбалка. Настоящие мужики-рыбаки ловили даже стерлядь. Делали набег на поля, засеянные горохом, который тщательно маскировали от нас, ребяташек.

А как здорово было на лугах! Выезжали туда на несколько дней. Ночевали в шалашах. В это время попевала земляника и брусника. Вечером сумерничали у костра и слушали ночную жизнь окрестной тайги. Когда кричали филины, по телу бегали мурашки. Гудели комары. От костра тянуло дымком. Слабый отблеск ушедшего дня делал таинственной наступающую темь.

Ближе к осени пропадали в зарослях дикой черной смородины. Перед самыми заморозками лакомились черемухой. Она тогда теряет оскомину и становится сочной и сладкой. Поздней осенью, когда березы отзвенели золотой листвой, а вода в реке становилась затаенной и молчаливой, к нам приходили пароходы за пшеницей. В Зырянке были большие амбары, куда свозили со всей округи зерно, сдаваемое по продразверстке.

Пароходы, как в сказке, выплывали гордыми лебедями из-за поворота реки и, уходя, скрывались за ним. Это было плавающее чудо, которое манило за собой и обещало в неведомых далях большие чудеса.

Зимой было хуже. Коньков и лыж у нас не было. Делали самодельные санки, а вместо железа полозья обмазывали коровяком⁴

---

³ Река Чулка, приток р. Чулым, находится в бассейне р. Оби.

⁴ Коровяк – коровий навоз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.